

— Oh, dear! What... What's happening... I mean... In the congregation... Was that... A little titter go up, did it?

— Oh, definitely, definitely.

— Oh, dear! There he went. Not that solemn. Oh, dear!... Lovely story, that.

Нетривиальный элемент рассказа HE SLIPS AND GOES RIGHT IN WITH HIM (имеет максимальную просодическую выделенность) комичным эффектом вызывает у слушающего, очевидно, ожидаемую реакцию. Представив, как, совершая обряд крещения, пресвитер падает в воду, он смеется.

Еще раз отметим, что в реальном общении цели и намерения собеседников часто синтезированы в неразложимый на составные части комплекс различных установок. Большинство речевых актов вообще имеет многоцелевой характер. Одна из целей бывает лишь относительно более активна и выделена⁵.

Приведенная классификация прагматических типов устного бытового рассказа представляет собой попытку дать лишь общие характеристики коммуникативных ситуаций. Думается, однако, что и эта во многом вынужденная формализация достаточно приемлема и отражает определенную реальность функционирования жанра.

¹ Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 448.

² См.: Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 36.

³ См.: Руднев В. Прагматика анекдота // Даугава. 1990. № 6.

⁴ Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. М., 1987. С. 364.

⁵ См.: Супрун А. Е. Лекции по лингвистике. Мн., 1980. С. 23.

Д. Г. БОГУШЕВИЧ, И. Ф. УХВАНОВА

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И ТИПЫ ОБЩЕНИЯ

Коммуникативная единица языка (слово, высказывание, текст), взятая системно, вне конкретных условий общения, потенциально должна содержать информацию об отношении говорящего к основным воздействующим факторам языка, вовлеченным в речевую деятельность. Следовательно, потенциальный план содержания языковых единиц является весьма сложной системой взаимодействующих величин. Согласно причинно-генетической (семиотической) модели плана содержания языковой единицы данное явление представляет собой динамическую систему, постоянно испытывающую на себе воздействие четырех основных факторов: социально-психологического, гносеологического, синтагматического и парадигматического, которые зарождаются благодаря постоянному притяжению к языковой единице таких определяющих план содержания вершин, как «Познавательная деятельность», «Социальная практика», «Система соотнесенных языковых значений, результатов познания», «Речевая цель»¹. В результате их взаимодействия единица приобретает возможность выражать следующие виды информации: прагматическую, гносеологическую, парадигматическую и синтагматическую. Эти основные виды информации находятся в теснейшем переплетении друг с другом, результатом чего является зарождение промежуточных видов информации: стилистической, этимологической (или исторически значимостной), референтной (или денотативной) и формально-знаковой, объединяющих элементы ранее указанных видов и в то же время являющихся по сути самостоятельными образованиями².

Не вызывает сомнения, что прагматическая информация является не просто одним из компонентов плана содержания языковой единицы, но и его сущностной основой (в отличие, например, от смыслодержательной гносеологической информации³), «генератором» его смысловых токов,

определяющим условием его формирования и развития. Таким образом, можно говорить об определенной бифункциональности прагматического аспекта языка: с одной стороны, он выполняет сугубо информативную функцию (причем в этой функции он далеко не одороден), а с другой — он является константным и контролирующим компонентом семантики.

Кроме того, прагматический компонент плана содержания непосредственно связан с основной функцией языка — организации деятельности. Реализация единицы подчиняется принципу прагматической достаточности⁴. Это требует обязательного согласования потенциальной прагматической информации данной единицы с конкретными условиями ее реализации. Приспособление остальных типов информации осуществляется, по всей вероятности, на фоне реализации контролирующей функции прагматического компонента.

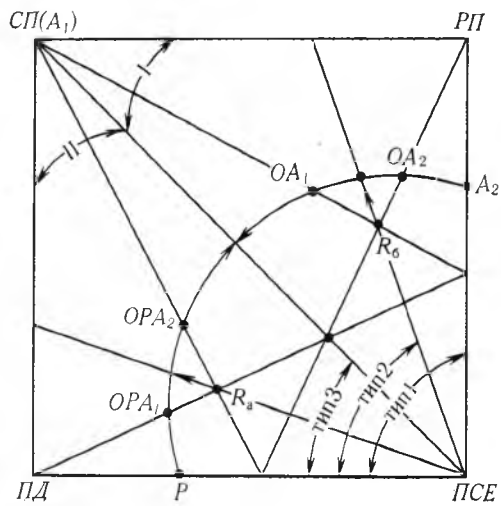
Иными словами, реализация семантического потенциала единицы определяется в первую очередь взаимодействием прагматической информации с другими ее видами. Это и послужило причиной выбора для анализа взаимодействия потенциальной прагматической информации с определенными условиями общения.

Однако прежде чем приступить к определению возможных вариантов взаимодействия, необходимо хотя бы кратко описать саму потенциальную прагматическую информацию, т. е. то, как реализуется информативная функция прагматического компонента. Причинно-генетическая модель плана содержания коммуникативной единицы языка позволяет с учетом своего дальнейшего развития уточнять, детализировать содержание каждого из видов информации. В данной статье нас интересует дальнейшее развитие и углубление прагматического вида информации. Поэтому далее будет представлена в расширенном варианте лишь четвертая часть вышеназванной модели.

Основой организации прагматической информации представляется осуществление выбора референта практической деятельности, с одной стороны, и выбора адресата (объекта общения), с другой. Сам выбор, будучи социально-психологическим актом, осуществляется по закономерностям творческой деятельности, предполагающей первичную оценку компонентов действительности, приписывание ему некоторой важности для субъекта⁵. В дальнейшем эта первичная оценка уточняется в соответствии с аксеологическими нормами данного социума и получает свою информационную определенность.

Таким образом, часть генетической модели плана содержания языковой единицы, описывающая его прагматическую сторону (прагматический компонент), опирается на такие воздействующие факторы, как «Практическая деятельность» (ПД) и «Речевое поведение» (РП) и может быть представлена на рисунке.

Такая модель позволяет определить общую композицию содержательной стороны прагматического компонента. Так, на модели наглядно пред-

Прагматический компонент плана содержания языковой единицы:

ПСЕ — план содержания коммуникативной единицы языка; СП — социальная практика; СП→ПСЕ — прагматическая ось; I (треугольник СП-РП-ПСЕ) — область прагматики межличностных отношений; II (треугольник СП-ПД-ПСЕ) — область прагматики деятельности; P — референт; A₁ — адресант; A₂ — адресат; O — оценка; R — знак отношения; $R_a = R(OPA_1, OPA_2)$; $R_6 = R(OA_1, OA_2)$.

Типы общения: 1 — закрытое; 2 — открытое; 3 — неограниченное

ставлены два подвида прагматического содержания языковой единицы: 1) прагматика межличностных отношений и 2) прагматика деятельности.

Первый подвид образуется в результате эмоционально-оценочного отражения следующих параметров: OA_2 — а) оценка личности адресата (типологический аспект); б) определение статуса адресата (наполнение признаков этого параметра зависит от конкретного социума); OA_1 — в) оценка адресантом своей личности; г) оценка адресантом своего социального статуса; (A_1, A_2) — д) оценка различия статусов коммуникантов; е) оценка различия личностных характеристик. Введение оценки личности коммуниканта, отличной от оценки его статуса, вызвано тем, что в большинстве культурных областей показатели статуса и личностные характеристики могут не совпадать, хотя и существуют культуры, в которых личность полностью определяется ее социальным статусом.

Второй подвид прагматического содержания образуется в результате эмоционально-оценочного отражения адресантом таких параметров, как OPA_1 — а) оценка референта адресантом; б) оценка ситуативного контекста адресантом; OPA_2 — в) оценка референта адресатом; г) оценка ситуативного контекста адресатом; $OR(OPA_1, OPA_2)$ — д) оценка различия в установках адресанта и адресата к референту; е) оценка различия в установках адресанта и адресата к ситуативному контексту.

Описание актуализации семантического потенциала единиц языка и в первую очередь их прагматического аспекта зависит от условий, в которых эти единицы используются. Поскольку естественной средой использования единиц языка является общение, необходимо найти такой его признак, который присутствует в любом эпизоде общения, но в каждом типе имеет одно определенное значение. Будучи необходимым и вариативным, такой признак создает объективную типологию эпизодов общения.

Так как язык по своей природе является социальным образованием, то таким общим признаком можно признать степень вовлеченности социума в данный эпизод общения. В результате выделяются три класса общения. Во-первых, полностью закрытый класс эпизодов, в котором даже простое наблюдение за процессом общения лиц, не участвующих в нем, не допускается (индивидуальное общение). Во-вторых, открытый ограниченный класс, в котором предусмотрена возможность (а иногда и необходимость) наблюдателей, непосредственно не участвующих в общении, число коммуникантов при этом ограничено. В-третьих, неограниченный класс, в котором каждый член социума может стать участником.

Выбор соотнесения типов общения с подвидами прагматической информации обусловлен внутренней связью между этими явлениями, поскольку и прагматическая информация, и типы общения дифференцируются по степени участия социума в данном эпизоде общения. Это и определяет наличие достаточно четких закономерностей в актуализации подвидов потенциальной прагматической информации.

Эта типология эпизодов общения позволяет определить некоторые ограничения на актуализацию части потенциальной прагматической информации. В первом типе, **полностью закрытом общении**, возможна актуализация всех элементов прагматической информации, поскольку говорящий в значительной степени свободен как в выборе адресата, так и в выборе статусных (ролевых) характеристик и в их оценке. Вероятно, именно эта причина побуждает избегать в таком типе общения характерных апеллятивов («товарищ», «гражданин», «mister», «sir», «Herr», etc.), поскольку различие в оценке и определении статуса заключено уже в других языковых формах и без особой необходимости не дублируется.

Несколько иное положение обнаруживается в **открытом ограниченном общении**, в котором как статусы (роли), так и зачастую сами участники предопределены и, как правило, не могут произвольно выбираться. Следовательно, эти части потенциальной семантики языковой единицы становятся неинформативными и могут «не прочитываться». С другой стороны, возрастает роль оценочных элементов в семантике, поскольку

только они оказываются не predeterminedными, и выбор оценки зависит от коммуникантов. При этом оценочная информация может «прочитываться» у единиц, которые не актуализируют этой информации в первом типе общения. Например, употребление эллиптированных структур обычно воспринимается как указание на сниженную оценку адресата. Например, ответы на общие вопросы обычно обязательно эллиптированы (да/нет). Но при общении начальника и подчиненного в армейских условиях (а такое общение, будучи ограниченным, потенциально открыто для наблюдения другими членами армейского социума) такие краткие формулы распространяются различными дополнительными компонентами: подчиненный употребляет не простое «да», а «так точно», не простое «нет», а «никак нет», хотя последнее никакими уставами не предусмотрено; в англоязычных армиях употребляются «Yes, sir!» и «No, sir!», с наращением обращения (sir), которое не выполняет здесь своей прямой функции. Эти наращения, иногда нарушающие логику гносеологического аспекта (напр. «никак нет»), употребляются именно потому, что максимальная краткость прагматически неуместна. В то же время командир, общаясь с подчиненным, не употребляет расширенных форм вроде «так точно».

В третьем, **неограниченном**, типе общения конкретный адресат не может быть определен. Оценка адресатов, как правило, высокая. Следовательно, эта часть информации оказывается заданной, predeterminedной. Но одновременно возрастает роль информации об адресанте, о его отношении к социуму, к которому он обращается. Наиболее существенна информация о том, включает ли адресант себя в социум (или его часть и в какую часть) или принимает позицию стороннего наблюдателя. Иными словами, важнейшей оказывается ориентация оценочной семантики, которая может проявиться у единиц, не обнаруживающих ее в первом и втором типах. Например, такая семантика может появиться у личных и особенно притяжательных местоимений первого и второго лица, у которых это противопоставление (как и противопоставление по числу) служит в данном типе не только и не столько для указания на позиции участников общения относительно объекта сообщения, сколько на различные варианты ориентации оценочной семантики. Не случаен тот факт, что в одном из видов этого типа общения — научной литературе — автор (адресант) практически во всех языках европейского культурного ареала использует для самореференции первое лицо **множественного** числа или же различные варианты бессубъектных структур. Повышение оценочной семантики личных местоимений в неограниченном типе общения заставляет его пытаться раствориться в социуме, к которому он обращается. И все это при том, что именно авторство в данном виде деятельности (наука и техника) для каждого участника ее является необходимым условием успешности.

Однако тип общения далеко не полностью определяет семантические потребности эпизодов общения, поскольку задает только общий фон, общее направление склонности коммуникантов ориентироваться на обнаружение того или иного вида потенциальной прагматической информации. Определенные ограничения на проявление потенциальной семантики накладываются и отношения компонентов эпизода общения и всего эпизода к деятельности, в которую он входит. Эти отношения образуют категории общения, которые реализуются структурой эпизодов (последовательностью речевых актов и их форм в нем). Однако рассмотрение влияния категорий на реализацию потенциальной информации языковых единиц требует специального анализа.

Но уже сопоставление реализации всех подвидов прагматической информации в различных классах общения показывает, что моделирование полной семантики языковых единиц должно принимать во внимание все разнообразие структуры прагматического значения (с учетом типов общения) и что актуализация семантического потенциала определяется не только формально-языковым, но и коммуникативным контекстом. Раз-

личная актуализация выделенных подвидов прагматической информации в разных типах общения подтверждает, в свою очередь, правильность ориентиров модели плана содержания и указывает на возможность ее применения для анализа речевой деятельности.

¹ См.: Ухванова-Шмыгова И. Ф. План содержания слова: возможности и реализация идеологического контроля // Язык и идеология. Киев, 1981. С. 139.

² См.: Ухванова-Шмыгова И. Ф. Семиотический анализ плана содержания текстового материала современных лозунгов-плакатов // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 4. 1988. № 3.

³ См.: Ухванова-Шмыгова И. Ф. Построение семантической модели слова на основании соединения внелингвистического и лингвистического семантических трегольников // Там же. 1982. № 3. С. 43.

⁴ Богусевич Д. Г. Единица, функция, уровень. Мн., 1987. С. 53, 90.

⁵ См.: Розет И. М. Психология фантазии: Экспериментально-теоретическое исследование внутренних закономерностей продуктивной умственной деятельности. Мн., 1977.

О. В. ОЗАРОВСКИЙ

СОГЛАСИЕ-НЕСОГЛАСИЕ В ФОРМАХ ЧУЖОЙ РЕЧИ

Высказывания согласия-несогласия (СН) в первичной (или «собственной») речи представляют собой реплики диалога в момент их создания. «Собственная речь» при передаче ее новым лицом (или тем же самым, но на правах цитирующего) становится — уже с точки зрения лица, передающего речь, — «чужой речью» (ЧЖР)¹. Для ЧЖР характерен авторский ввод, указывающий на то, что это не собственная речь, а именно чужая. В структуре конструкций, служащих для передачи ЧЖР, заложено противопоставление двух субъектов речи: первичного (т. е. субъекта ЧЖР, а в нашем случае — субъекта СН) и вторичного субъекта, излагающего ЧЖР (иначе, актуального субъекта речи). В таких конструкциях каждый из субъектов речи имеет свою лексико-синтаксическую зону содержания и определенные возможности участия в построении сложного целого, содержащего ЧЖР.

С актуальным автором соотнесен прежде всего авторский ввод, который включает в первую очередь имя субъекта ЧЖР и название коммуникативного действия (глагол речи, выразитель модальной позиции и т. д.). В его структуре возможны имя адресата ЧЖР, а также указания на различные обстоятельства ее протекания. Ср.: *Петр сказал...*; *Петр сказал Евгению...*; *После длительного спора Петр сказал вчера Евгению...* В авторский ввод (принадлежащий актуальному субъекту речи, но, как правило, не включающий в себя указания о нем) могут включаться элементы оценочного плана, отражающие отношение актуального субъекта к ЧЖР и ее субъекту.

Авторский ввод является сигналом контактно расположенной ЧЖР. В то же время он служит необходимым восполнением для ЧЖР, оторванной от собственного контекста и ситуации.

Виды ЧЖР различаются по двум признакам: структурной слитности или раздельности авторской и ЧЖР, степени структурной самостоятельности-подчиненности ЧЖР (относительно авторского ввода)². «Русская грамматика» 1980 г. выделяет следующие три разновидности ЧЖР: прямую речь (ПР), косвенную речь (КР) и несобственно-прямую речь (НПР). Мы считаем, что по признаку синтаксической слитности зон авторской и ПР, вмещающихся в принципе в рамки одной предикативной единицы, должна быть выделена прежде всего «тематическая речь»³, или пересказ ЧЖР. При пересказе применяется лексически свободная (не требующая дословной точности) передача содержания ЧЖР, причем грамматически полностью доминирует актуальный субъект речи. Содержание ЧЖР при пересказе может быть максимально свернуто, сохраняя лишь тему. В нашем случае тематическая речь должна сообщать о чьем-либо С. или Н. Актуальный субъект речи в лексически свободной фор-